

Размышления над книгой

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса, 2008. — 782 с.

Выход в свет книги Валерия и Владимира Луковых «Тезаурусы. Субъектная организа-

ция гуманитарного знания» — неординарное событие в гуманитаристике. Неординарность исследованию придает не просто отход от традиционных объективирующих методов гуманитарного познания (к чему авторы, впрочем, и не стремятся), а поиск новых субъектных оснований его организа-

ции, органически включающих и объективирующую методологию. Действительно, современные гуманитарные науки все больше субъективируются и отдаляются от классического идеала науки, сориентированного на получение и обоснование чисто объективного знания о мире, существующего вне субъекта. Известно, что в классической парадигме мышления получает завершение образ субъекта, фундированный концепцией Ренэ Декарта. Этот образ и лежит в основе классического понимания рациональности, определяющими чертами которого являются: 1) оппозиция субъекта и объекта, где они резко противопоставлены; 2) ограниченность я от других я в процессе познания (так называемая гносеологическая робинзонада); 3) сведение «Я-субъекта» к формам всеобщности, которые и обеспечивают получение всеобщего и необходимого, обезличенного знания. Такое понимание субъекта познания в целом соответствовало потребностям развития естествознания Нового времени.

Ныне место одиноко стоящего субъекта, который направляет свое мышление к предметам, а в рефлексии делает предметом и самого себя, заступает идея познания, опосредованного повседневной практикой, коммуникацией и культурой, а также языковыми образованиями, в которые встроены субъективные и интерсубъективные в своих источках познавательные результаты. Это и предопределяет общий пафос современной гуманитаристики — раскрытие субъектности во всех ее культурных, в том числе познавательных, манифестациях. Однако обращение к субъективным и интерсубъективным слагаемым гуманитарного познания не означает утраты научного критерия объективности и поощрение субъективизма, о чем, в частности, может свидетельствовать продуктивное использование методов феноменологического и герменевтического анализа жизненных и символических миров человека социологией, историей, культурологией и другими разделами современного социально-гуманитарного знания. В принципе речь идет, как справедливо подчеркивают авто-

ры монографии, о вынесении в центр научных социально-гуманитарных исследований человека — вынесении даже там, где до настоящего времени доминировал анализ макросистем и макротенденций. Это сразу актуализирует вопрос: как работать здесь с субъектной (следовательно, и субъективной) составляющей, сохраняя исследовательские критерии, присущие научному знанию? Как следствие на первый план выдвигаются вопросы методологии, прежде всего поиск новых специфических методов и форм гуманитарного познания.

Как показывает история науки, возникновение тех или иных теоретических концепций и концептов часто имеет своим основанием прагматический интерес. Так случилось и с тезаурусной концепцией. Как отмечают в предисловии к книге авторы, она была целостно артикулирована в 1992 г., когда возникла необходимость обоснования большого культурного проекта российских ученых и педагогов — «Всемирной Детской Энциклопедии». В основание замысла этого проекта закладывалась идея о неполном соответствии жизненно значимого (интересного для детей) материала и структуры школьных учебных предметов, дающих знания определенных наук. Это обусловило внимание к концепциям, где детское мышление рассматривалось по своей модели как отличное от мышления взрослых (в частности, к концепции Ж. Пиаже), и создало проблемную ситуацию, следствием которой стало поэтапное формулирование тезаурусной концепции гуманитарного знания.

Понятие тезауруса, подчеркивают в своей монографии Вал. и Вл. Луковы, стало использоваться в социологии, культурологии, филологии, антропологии совсем недавно, причем в значении, которое не совпадает со значением, закрепившимся в лингвистике и информатике. В лингвистике тезаурус толкуется как определенный словарь, в котором максимально представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах, или же как идеографический словарь, в котором показаны се-

мантические отношения (родовые, синонимические и др.) между лексическими единицами. Идеографический поход к тезаурусу получил свое развитие в теории создания словарей-тезаурсов видного российского лингвиста Ю. Н. Караулова. В информатике тезаурус рассматривается в качестве семантической меры информации, а именно: какая мера связывает семантические качества информации со способностью пользователя принимать сообщения. В последнем случае тезаурус толкуется как совокупность свидетельств, которыми располагает определенная система или же пользователь.

Дальнейшее широкое включение понятия «тезаурус» в разные научные контексты и в разные исследовательские парадигмы придало ему новые смысловые оттенки. Однако такая ситуация лишь обострила исследовательский интерес авторов, и они, как представляется, в полной мере использовали ее. Естественная граница смыслов тезауруса, полагаемая различием научных контекстов пользования, предстает для них не препятствием, а, наоборот, творческим стимулом его конструирования, с одной стороны, как общенаучного понятия, с другой — как концепта, имеющего сложную семантическую структуру, способную к порождению новых смыслов. Исходя из этих позиций, они и стремятся обосновать тезаурусную концепцию организации гуманитарного знания.

Обоснование осуществляется — и это является огромнейшим плюсом книги — просто на гигантском исследовательском материале, взятом из информатики, лингвистики, социологии, культурологии, социальной философии, филологии и художественной литературы. При этом привлекаются ключевые концепты и конструкты наиболее известных, и как никогда востребованных сегодня, теорий социально-философского, социологического и культурологического анализа человеческого существования. Посудите сами: это — идея концепта (Ю. Степанов), понятие «чужака» (Г. Зиммель, А. Шюц), идея конструирования социальной реальности (П. Бергер, Т. Лукман), теория габитусов (П. Бур-

дье), идея фрейма (И. Гофман), идея структуриации (Э. Гидденс) и социальных практик (Ю. Хабермас), концепт «человеиника» О. Зиновьева, идея «взаимосодействия» компонентов функциональных систем (П. Анохин, К. Судаков), концепт «Происходящего» и «педагогическая» триада «знание — понимание — умение» И. Ильинского. И это не говоря уже о широком привлечении методологии таких направлений, как социология знания, феноменологическая социология, структурная лингвистика, дискурсивный анализ, логическая социология, функциональный анализ, историческая филология, герменевтика, педагогическая антропология, культурологический анализ и др. В конечном счете в каждой из идей и названных концепций Вал. и Вл. Луковы находят те когнитивные связи, понятия и смысловые образования, при помощи которых они и разворачивают грандиозную картину концепта «тезаурус» в его гуманитарном преломлении: 1) как выражение субъектной (субъектного аспекта) организации гуманитарного знания; 2) как методологического похода к исследованию социальной реальности, символов и образов культуры и их освоения в процессе социализации, образования и воспитания; 3) как сферы личностного знания и моделирования личности («персоны»); 4) как инструмента гуманитарной экспертизы, прежде всего инструмента гуманитарной экспертизы образования.

Смысл тезауруса, с точки зрения авторов, в первую очередь просматривается в том, что он является формой существования гуманитарного знания. Он в слове и образе воспроизводит определенный фрагмент действительности, освоенный субъектом (индивидом, группой). Семантическое ядро тезауруса образует представление о некотором запасе, накопленном богатстве, о некотором сокровище или сокровищницу чего-то. В этом смысле, как подчеркивается, и говорят о сокровищнице языка, богатстве знаний, накопленном опыте. Отсюда выводится и понимание назначения тезауруса, которое предлагают авторы. Потребность в нем воз-

никает тогда, когда необходимо отобразить полноту некоторого знания, существенного для индивида по определенным основаниям (потребностям, интересам, установкам, целям). «...Там, где о знании может быть как необходимый сформулирован тезис относительно его (знания) полноты и существенности для субъекта, мы имеем дело с какими-либо тезаурусами», — почти патетически провозглашают Вал. и Вл. Луковы (с. 64).

«Полнота» и «существенность» в дальнейшем и выступают для исследователей своеобразными вехами для разворачивания других системных и структурных характеристик тезауруса. «Полнота» как «качественная» (а не «количественная», подчеркивают авторы) характеристика оставляет на периферии мыслительного акта такие измеряемые признаки (собственно, не знания, а информации), как объем, мера. А поэтому тут актуализируется понятие достаточности, и как потом выясняется, избыточности знания. На мой взгляд, уже в этом моменте исследователи обнаруживают связь когнитивных и ценностно-нормативных слагаемых тезауруса, — связь, которая, к сожалению, не стала предметом специального методологического анализа в книге, что, впрочем, могло привести к определенной деформации ее структуры. Тем не менее авторы подчеркивают то важное обстоятельство, что связанная с качественным характером «полноты» «существенность» непосредственно выводит тезаурусно организованное мышление в сферу ценностей и ценностных ориентаций человека. Здесь также, как представляется, важен был бы специальный теоретический анализ связи, на сей раз норм и ценностей «тезаурусного мышления». Примечательно, что в исследовании, так сказать, прикладного характера тезаурусного подхода (собственно, выявления практического воплощения тезаурусов в истории, социуме, культуре, персональном мире человека) авторы неоднократно обращаются (и не могли не обращаться!) к нормообразующей — социокультурной и личностной — составляющей тезауруса.

Об этом свидетельствует, в частности, вторая глава монографии «Мировая культура в свете тезаурусного подхода». Здесь авторы, рассматривая классику, просвещение, предромантизм, романтизм и другие культурные эпохи и стили, не могут избежать определенных нормативных представлений, заложенных в концепты, их обозначающие (совершенно справедливо признавая при этом их историческую изменчивость в процессе получения новых знаний об их специфике). Об этом говорит, скажем, и введение в анализ классики «форсологического аспекта». Выявление «сильных» (соответственно «слабых») позиций в культуре оказалось невозможным без обращения к таким нормативным понятиям, как «идеал», «архетип», «опора», а в случае «артэскейпизма» — «резистенция», «ретардация», «акселерация» и др. Без них, очевидно, трудно было бы провести более или менее содержательную демаркацию между культурной нормой «силы» и «слабости», позиционируемых в тезаурусе классической культуры. Не только о дескриптивности, но также и о содержании, что превосходит свое когнитивное измерение, говорят, например, и такие выделяемые авторами «концепты-образы» культуры Нового времени, как «революционер», «денди», «байронический герой», «деловой человек», «хищник». Что уже говорить об «экзистенциалах» человеческого бытия — «одиночестве», «любви», «дружбе», «единении» и др., — ценностно-нормативная заданность которых при всей вариативности не может не определять тезаурусное содержание всякой культуры. Исследователи, как представляется, отдают себе в этом отчет. Однако, развивая свою концепцию с позиций более объемлющей, призванной ликвидировать зазор между «объектной» (отвечающей на вопрос: «Как было на самом деле?») и «субъектной» («Как это отразилось в тезаурусах?») культурологией, они оставляют — думается, до поры до времени — сей срез проблемы в тени.

О том, что методологически авторы готовы к этому, может свидетельствовать их по-

зия в отношении понятия «арки культуры». Они пишут: «...Не следует преувеличивать расхождение объектной и субъектной культурологи в области координат культуры. Именно в рамках объектной культурологии в результате историко-теоретического анализа были выявлены так называемые «арки», позволяющие представить во времени движение культуры, и историко-теоретический подход оказался здесь очень полезным для осуществления тезаурусного подхода» (с. 204). Сам же тезаурусный подход, примененный к обоснованию понятия «арки культуры», вскрывает, что из-за ограниченности тезауруса, присущего носителю (индивиду, социальной группе, научному сообществу) конкретной национальной культуры (в данном случае — русской, уточняют исследователи), пока что не удастся (на основе, очевидно, все-таки «не информации», как пишут авторы, а имеющихся знаний) во всей полноте построить пронизывающие ее во времени «девятывековые» арки. И тут авторы делают симптоматичное — в плане детерминации знаний культурной номотетикой — заявление: «При выделении «арок культуры» мы неизбежно будем ориентироваться в подавляющем большинстве случаев на европоцентристскую модель (курсив мой. — Ю. И.) истории культуры. С этим не следует бороться: когда тезаурус разовьется не на основе европоцентризма, а на материале мировой культуры в целом, схема, носящая ориентирующий характер (и потому не столько объективно-научная, сколько субъективно-методическая), будет уточнена или пересмотрена» (с. 205–206).

Однако вернемся к предложенному в книге сущностному рассмотрению тезауруса. В ценностной плоскости его анализа наиболее рельефно проявляются такие выделяемые исследователями базовые характеристики, как систематичность и ориентирующая функция. Собственно, систематичность и ориентирующая функция знаний в тезаурусно организованном мышлении объективируются для индивида на аксиологической субъектной основе. Чем как не аксиологиче-

ской, по сути ценностно-нормативной, основой определяется направление систематизации знаний в тезаурусе, ведь, как пишут авторы, она строится на движении не от общего к частному, а от своего к чужому. «Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим). В этом отличие тезаурусной иерархии знаний от структуры научного знания», — резюмируют исследователи (с. 64). «Свое» и «чужое» предстают, таким образом, здесь не просто как категории познания, а как категории, которые организуют систему ценностей мыслящей личности, по сути, как «концепты» (поэтому авторы совершенно справедливо и подчеркивают, что тезаурусы имеют дело не с понятиями, а с концептами). Что-то аналогичное мы имеем в «Феноменологии духа» и «Науке логики» Гегеля. Здесь логическое развитие категорий от низшей и простейшей к самой высокой и содержательной есть вместе с тем построение определенной иерархии ценностей, где фундаментом служит простое непосредственное бытие, а вершиной — истинное бытие — абсолютное знание. Важным является и то, что в «Феноменологии духа» Гегель в качестве перехода от одной формы сознания к другой вводит понятие «признанности» как основания раскрытия «в-себе-бытия» в «для-себя-бытия», а «своего» в «ином». У авторов книги, как представляется, аналогичную функцию выполняет понятие «ориентация».

Следуя логике авторов, мы обнаруживаем, что «свое» и «чужое» у них выступают также как некие концепты, которые лежат в основе ценностно-нормативной систематизации знания в тезаурусах. Правда, они не пишут об этом, но явно подразумевают. Об этом говорит следующий ход их мысли, а именно 1) рассмотрение «своего» и «чужого» как феноменов культуры и 2) главное, введение концепта толерантности как меры ценностного (оценочного) отношения к чужому (однако рассматривая при этом толерантность только в ее позитивном значении, хотя толерантность сама по себе, как под-

черкивал Вл. Соловьев, не является качеством хорошим или плохим, и ее значение зависит от предмета и мотива применения). «Деление на свое и чужое, — пишут исследователи, — может сопровождаться толерантностью к несходным мнениям, открытостью к другим культурам, сама граница своего и чужого подвижна. И именно в этом аспекте тезаурусная организация знания рассматривается нами как отличающаяся по своему системообразующему основанию от объектной организации знания» (с. 65). Концепт толерантности выступает здесь, по сути, основой ориентации в отборе и систематизации знания как знания, еще не освоенного индивидом, т. е. знания «чужого», еще не превращенного в «свое».

Такой способ систематизации знаний в тезаурусе и придает ему основное назначение для субъекта — ориентировать его в окружающей среде и обеспечивать, таким образом, жизнеспособность субъекта (с. 65). Полностью разделяя это понимание авторами сущности тезауруса, хотелось бы вместе с тем обратить их внимание на идею М. К. Петрова об ограниченной «физиологической и ментальной вместимости» человека как субъекта любых видов социально необходимой и социально полезной деятельности (см.: Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1981. С. 32), которая, на мой взгляд, перекликается с положением книги о тезаурусной избыточности знания. Речь идет о том, что в культурно-образовательной и воспитательной последовательности трансляции знания по цепочке «знание — индивид — деятельность» обнаруживается «дополнительный» субъективный определитель структуры — воспитуемый и образуемый индивид, в своей смертности и пространственно-временной культурной конечности. И поскольку объем социально необходимого корпуса знания, необходимого для физиологического и ментального воспроизведения индивида в его деятельности, всегда превышает возможности его физической и ментальной «вместимости», то эта «вместимость» с необходимостью фрагментизи-

руется, а то, что остается «за кадром» и предстает как некая избыточность знаний, о чем пишут и авторы, но уже применительно к тезаурусу. Думается, что обращение к этой идее М. К. Петрова дало бы дополнительные аргументы Вал. и Вл. Луковым в прояснении онтологического статуса тезауруса в культуре, который как бы всецело принадлежит языковой и дискурсивной стихии и вместе с тем далеко выходит за ее пределы в область разветвленных деятельностных коммуникаций человека, соответственно сфер знания, представляемых тезаурусно. С другой стороны, очевидно, это дало бы возможность конкретизировать манифестируемую ими образовательно-культурную идею И. Ильинского о структуре «знание — понимание — умение» как о своеобразном коде, и вероятно, не только европейской культуры.

Последнее обстоятельство особенно важно с отстаиваемой в монографии (по существу, в данном случае социологической) точки зрения, что тезаурусы имеют свою половую, возрастную, социально-ролевую, мировоззренчески-биографическую и событийную корреспондированность. Такая концептуальная соотношенность вполне естественна и отвечает социологической образовательной парадигме, берущей за основу этапы и формы социализации индивида в том или ином социуме. К тому же с точки зрения сегодняшнего момента анализ всех возможных коллизий и трансформаций этих форм, смены их последовательности является архиважным для грамотного и компетентного управления общественными процессами, в частности для принятия рациональных управленческих решений. Поэтому не только логичной, но и весьма актуальной является «увязка» проблематики тезаурусов с гуманитарной экспертизой, рассматриваемой событийно, т. е. с позиций значимости для человека Происходящего (продуктивный термин, взятый авторами у И. Ильинского). И тут важна не только несколько, как я полагаю, преждевременная декларация в пользу экзистенциальной легитимации гумани-

тарной экспертизы («времена приоритета знания в узком смысле на исходе... наступит эпоха, в которой приоритет будет отдан пониманию... на основе развития понимания центральное место в жизни человечества займет гуманитарная экспертиза всех сфер жизнедеятельности как практическое воплощение новой культуры — культуры понимания» (с. 69)), но и трезвая оценка (о чем, собственно, и пишут Вал. и Вл. Луковы в своей монографии) ее необходимости и возможности («гуманитарная экспертиза — исследовательская деятельность, имеющая целью сформировать общественную оценку различных нововведений с точки зрения культуры, этических и правовых норм, а также выявить и спрогнозировать возможные угрозы и риски от внедрения инноваций для человека» (с. 618)).

Конечно, трудно даже в форме размышлений дать всесторонний анализ этой, не побоюсь сказать, фундаментальной работы. Поэтому в своих заметках я больше останавливался на методологических и экзистенциальных основаниях предлагаемой авторами тезаурусной концепции, ее значении для социогуманитарных и культурологических исследований, а также ее важной роли в гуманитарной экспертизе. За рамками рассмотрения остались такие интересные и содержательные наработки авторов, как мировая культура в свете тезаурусного подхода; те-

зауруссы и персональные модели: «Феномен Уайльда»; тезауруссы и общество, проблемы тезаурусного понимания обретения нового содержания, культурных факторов конструирования тезауруссов, тезаурусных концепций социализации и социального проектирования, и некоторые другие вопросы. Тем не менее хочется надеяться, что читатель, чье внимание привлекли данные размышления, смог сложить определенное мнение о концепте тезауруса и тезаурусном подходе в сфере гуманитаристики, когда, говоря языком авторов, возникает необходимость в известных социокультурных и персональных основаниях воспроизвести полноту некоторого знания, существенного для данного индивида. Экзистенциальный контекст такой необходимости, на мой взгляд, хорошо передается словами Гельдерлина, которые приводит Мартин Хайдеггер, правда, относительно техники (но, как мы видели, и тезаурус является достаточно «технологическим понятием», особенно в отношении экспертного знания). «Вместе с опасностью растет и спасение», — провозглашал Гельдерлин. Тезаурус же в своей жизненно ориентирующей функции дарует нам не только надежду на это спасение, но и служит его знаниевым залогом, смягчая Екклесиастову «печаль знания» пониманием его всегдашней неполноты.

Ю. А. ИЩЕНКО *

* Ищенко Юрий Анатольевич — заместитель директора Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, кандидат философских наук, профессор. E-mail: ish-yurij@yandex.ru